

РЕКВИЕМ РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ (КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ШЕНКУРСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.)*

Анализируются демографические, производственно-экономические, образовательные тенденции, характеризующие развитие русской провинции (используются статистических данных по Шенкурскому району Архангельской области). Состояние района в предреволюционную эпоху охарактеризовано как гомеостаз, в советский период – как акматическая фаза развития, современная ситуация либерально-олигархического капитализма обуславливает вступление региона на путь инволюции.

Ключевые слова:

Архангельская область, демография, животноводство, земельный надел, капитальное строительство, лесное хозяйство, молодежная политика, население, народное образование, отхожий промысел, подать, природные условия, сельское хозяйство, сепаратизм

Земли по р. Ваге – притоку Северной Двины, – протекающей по территории Вологодской и Архангельской областей, издавна называются Важским краем (Поважьем). Шенкурский район Архангельской области, расположенный в среднем и нижнем Поважье, на юге области, является одним из административных образований Важского края. Его культурные и хозяйственные особенности во многом определяют социокультурный портрет Поважья. Особый интерес представляет здесь социокультурная динамика края за период с конца XIX в. по настоящее время. Этот период включает три исторические эпохи, полярно противоположные по своему политическому, экономическому, идеологическому и культурному содержанию: во-первых, это окончание эпохи феодально-капиталистической России (конец XIX – начало XX вв.); во-вторых, советское время (1917–1991) и, в-третьих, постсоветский период либерально-олигархического капитализма (1992 – по настоящее время).

Мы попытаемся рассмотреть основные явления в социокультурной динамике Важского края, установить их специфику и определить возможные пути решения культурно-хозяйственных проблем в ноосферной парадигме. В основу исследования положены статистические данные по демографии, экономике (сельскому хозяйству, лесной и деревообрабатывающей промышленности), образованию и библиотечному делу. Выбор отраслей культурно-хозяйственной деятельности обусловлен их значением для развития края.

По данным «Архангельского сборника» (1863), «Шенкурский уезд имеет местоположение большею частью ровное, наполненное болотистыми и сырими местами, для хлебопашества и скотоводства малоудобное» [20, с. 505]. Как видим, природная среда Важского края в то время оценивалась как мало пригодная для развития традиционных отраслей сельскохозяйственной деятельности, и это составляет ее главную особенность.

* См. илл. на 4-й стр. обложки.

Вместе с тем, Шенкурский уезд был самым населенным в Архангельской губернии: по обследованию 1891 г., в уезде насчитывалось крестьянского населения «80397 человек [...] с преобладающим по численности женским элементом» [5, с. 212]. С 1837 по 1891 гг. «средний годовой прирост населения в уезде [...] достигает 1,5 %, а за все 18 лет – 26,3 %» [5, с. 213].

Таким образом, крестьянское население Важского края с преобладанием в нем «женского элемента» и положительной динамикой роста более чем на одну четверть в конце XIX – начале XX вв. проживало в неудовлетворительных для сельского хозяйства условиях: большую часть территории уезда занимали леса и болота. В этой связи возникает закономерный вопрос: как осуществляли люди Русского Севера социокультурную деятельность?

Обратимся к статистическим данным 1903 г. о сельскохозяйственной жизни Шенкурского уезда, которые свидетельствуют о том, что «из всей площади, занимаемой уездом [2281281 десятина, что приблизительно равно 2282076 гектаров земли – В.Е., Л.К.], отведено в надел крестьянам и состоит ныне в их пользовании <...> 5%, остальное пространство принадлежит уделам (65 %), казне (29 %), городу [Шенкурску – В.Е., Л.К.], церквям и монастырям (вместе 1 %)» [5, с. 213]. Следовательно, важные крестьяне, которые составляли большинство населения уезда, находясь в «малоудобных» природных условиях, ютились всего на 5 % земельных угодий этого края (124103,3 га). Уже один только этот факт свидетельствует о том, что в сельскохозяйственной жизни Поважья изучаемой эпохи существовали большие проблемы.

Первая из них – *безземелье*: в среднем 7 % крестьянских хозяйств не имели ни клочка собственной земли (в ряде волостей эта доля была больше: в Великониколаевской волости – 10,8 %, в Устьяжской – 18 %, в Липовской – 24,1%) [5, с. 214]. Вторая проблема – *малоземелье*: на каждое крестьянское хозяйство, имеющее собственную землю, приходилось меньше гектара (2206 кв. саженей) [5, с. 214]. Поэтому немудрено, что автор статистической «Записки об экономическом положении крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии» делает весьма неутешительный вывод: «Главный промысел крестьян – хлебопашество, но оно, как показано на карте промышленности России, представляет едва заметный просвет в массе лесов и не только не дает излишка хлеба для вывоза на продажу, но является недостаточным для продовольствия местного населения и хватает разве только на 8 месяцев в году» [5, с. 214–215]. Этот вывод определяет следующую проблему: неэффективность существующего способа ведения сельского хозяйства неизбежно сопряжена с бедностью крестьянского населения, которое не могло прокормить ни себя, ни свои семьи.

Тяжелое положение в земледелии негативно сказывалось на животноводстве. По данным «Записки», в Шенкурском уезде существовал острый дефицит основной тягловой силы того времени – лошадей: в большинстве волостей уезда одна лошадь приходилась на 12–16 человек, что, в свою очередь, значило, что 24 % хозяйств были безлошадными, а в расчете на лошадиные хозяйства, на каждое из них в среднем приходилось 0,88 ед. [5, с. 215] – т.е., лошадей не хватало в каждом крестьянском хозяйстве. О каком продуктивном земледелии могла идти речь при столь неудовлетворительном положении вещей?

Не многим лучшую картину являло положение с рогатым скотом, поголовье которого в расчете на одного человека составляло 0,42 ед. («Записка» не уточняет, какого именно скота – крупного или мелкого), а в переводе на уровень крестьянских хозяйств оказывалось, что в среднем на одно хозяйство в уезде приходилось 2,83 единицы, в то время как 7,65 % хозяйств рогатого скота не имели вообще [5, с. 215].

Объективная и точная «Записка» уделяет внимание и динамике отрасли животноводства: «Сравнивая общие цифры скота в уезде в 1857 г. и в настоящее время оказывается, что скотоводство уменьшилось в уезде на 7,4 %, причем лошадей на 3 % и рогатого скота на 8,3 %. Уменьшение скотоводства можно объяснить убылью покоса в пользу пашни и потому недостатком корма» [5, с. 215]. Таким образом, здесь вырисовывается еще одна проблема – проблема выживания, которую важский крестьянин тщетно пытался решить увеличением пахотных земель за счет ограничения покосов, дававших единственно доступный корм для скота, находящегося в хлевах в суровых условиях Севера по 7 месяцев в году. Результат не оправдывал себя: на одну голову рогатого скота в сутки приходилось только 6,6 фунта корма (2,703 кг) [5, с. 215], что может означать лишь одно: крестьянский скот в Важском крае перемогал длительный стойловый период впроголодь. Автор «Записки» не указывает, помимо сокращения покосов, иных причин уменьшения поголовья скота в Поважье, но можно предположить, что к главным причинам неудовлетворительного положения в животноводстве Шенкурского уезда в тот период можно отнести падеж скота от бескормицы и уменьшение его репродуктивности из-за недостаточного питания большую часть календарного года.

Пытаясь вырваться из тисков нищеты, важские крестьяне были вынуждены уходить на отхожие промыслы в другие губернии России: «Число ежегодно отлучающихся, таким образом, достигает 8,5 тысяч человек» [5, с. 215] [более одной десятой части трудоспособного крестьянского населения – *В.Е., Л.К.*]. Такой заметный отток активного элемента тоже вряд ли содействовал оздоровлению сельского хозяйства края.

Справедливости ради следует отметить, что и социальные условия в Поважье не способствовали ни развитию сельского хозяйства, ни совершенствованию социокультурного бытия в целом. Об этом ярко свидетельствует следующий факт: «...Валовой доход крестьян от наделной земли определится в сумме около 689 тысяч рублей [здесь имеется в виду общая сумма дохода всех крестьянских хозяйств уезда – *В.Е., Л.К.*]. Доход этот в настоящее время [распределяется – *В.Е., Л.К.*] так: 13,6 % казенных податей и сборов, 8,9 % мирских сборов, 19,1 % натуральных повинностей, всего 41,6 %» [5, с. 216]. Около 50 % доходов от ведения сельского хозяйства важские крестьяне были вынуждены изымать из своего хозяйственного оборота в виде выплаты налогов, податей и иных сборов. Понятно, что столь несправедливая система налогообложения не только не могла помочь оздоровлению социальной и культурной жизни Важского края, но, напротив, приводила к еще большему обнищанию крестьянских хозяйств – она вызывала ежегодное увеличение недоимок. Важские крестьяне, хотя и свободные формально от крепостной зависимости, в действительности находились в тяжелой социальной кабале. Приведем характерный пример: «Ни топлива, ни леса на постройку крестьяне в своих наделах не имеют и вынуждены то и другое покупать в удельных и казенных дачах по таксе. Последняя все повышается и повышается <...> Пастью скота большинство пользуется тоже в удельных лесах за плату <...> На все это крестьянами расходуется довольно значительная сумма» [5, с. 216].

Итак, денежные боры с крестьян составляли характерную черту социальной жизни Важского края в конце XIX – начале XX вв. С одной стороны, суровые природные условия, а с другой – ничтожное количество пахотной земли и тяжелые подати, – вот главные приметы сельскохозяйственной жизни Поважья той эпохи, которые не способствовали экономическому развитию региона, истощали его производительные силы, а производственные отношения заводили в тупик,

выходом из которого потенциально был социальный взрыв доведенных до отчаяния трудящихся масс.

Главной проблемой сельскохозяйственной отрасли экономики Поважья был вопрос о земельной собственности, т.е. об увеличении земельных наделов крестьянства. Однако эту проблему, несмотря на многочисленные и многолетние ходатайства крестьян, никто решать не собирался [5, с. 216].

Итак, подавляющее большинство населения Шенкурского уезда, которое составляло крестьянство, проживало в тяжелых и несправедливых социальных условиях, но, однако, продолжало прирастать, и, по данным волостных правлений уезда, к 1 июля 1902 г. оно достигло 90509 человек обоих полов, из которых «в школьном возрасте (7–14 лет) находилось 13431 лицо обоего пола» [3, с. 250]. (Отметим, что тенденция роста населения в уезде была на рубеже XIX–XX вв. весьма устойчивой, и в 1911 г. оно достигло 105764 человек) [9, с. 228].

Задаваясь вопросом, как обстояло дело с культурой важского населения той эпохи, мы ограничились здесь анализом положения в народном образовании изучаемого региона, поскольку именно проблема образования поставлена во главу угла в социокультурных коллизиях XXI в., а в теории ноосферизма концепт образовательного общества является субстанциональным [21, с. 225], т.е. актуальность этой проблемы несомненна и в настоящее время.

В 85 учебных заведениях уезда обучалось в то время 3886 человек (в среднем на каждое учебное заведение приходилось 46 учеников). Сопоставляя общее количество детей школьного возраста и контингент обучающихся, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство (9545 человек или 71 % от всего количества) крестьянских детей находилось вне школы (из которых, в свою очередь, 2500 человек относились к не окончившим курс, а 6,8 тыс. были безграмотными) [3, с. 251]. Конечно, могли быть исключения в виде обучения их грамоте каким-то иным способом (например, частные уроки на дому и пр.), но они наверняка относились к единичным случаям.

Учебные заведения уезда включали в себя «2 двухклассных и 24 одноклассных сельских училища ведомства Министерства Народного Просвещения, 39 церковно-приходских школ и 20 школ грамоты» [3, с. 250]. Количественный состав учеников в этих школах уменьшался в соответствии с понижением качества образования от 112 человек в двухклассных сельских училищах до 25 в школах грамоты [3, с. 250–251]. Из этого следует вывод о том, что крестьянские семьи, которые могли обучать своих детей в школах, заботились, чтобы последние получали более-менее качественное образование (хотя и в пределах начального). Интересен гендерный состав важских школьников: «Число учениц составляет около 6 % учащихся в двухклассных училищах; до 17% в одноклассных, до 35 % в церковно-приходских и около 24 % в школах грамоты» [3, с. 251]. Такие факты красноречиво свидетельствуют, во-первых, о том, что среди населения с преобладающим «женским элементом» обучающиеся в школах девочки составляли устойчивое меньшинство, и менее всего их было в двухклассных – лучших – сельских училищах Минпроса России, а большее количество – в школах низших типов (церковно-приходских и грамоты). Во-вторых, многие крестьянские семьи, особенно из пригородных сел, все-таки давали дочерям начальное образование.

Вместе с тем, начального образования крестьян (да еще и в значительном меньшинстве по отношению ко всей массе населения Поважья) было явно недостаточно для социокультурного преобразования края, и это прекрасно осознавали члены Комиссии для рассмотрения народного образования в Шенкурском уезде. Отмечая «более чем скромную роль начальной школы в жизни населения

[Важского края – В.Е., Л.К.]» [3, с. 251] они подчеркивали, что «производительность труда <...> находится в прямой зависимости от степени образования рабочего – его общего развития, и что только грамотному доступен коллективный опыт, накопленный в земледелии и технике» [3, с. 251]. По мнению комиссии, вопрос о модернизации народного образования является неотложным, поскольку его положительное решение интенсифицирует развитие сельского хозяйства в крае. И, прежде всего, необходимо открыть еще 85 сельских школ для полного обеспечения образовательными учреждениями всего контингента крестьянских детей. Однако, ввиду бедности населения всеобщее обучение в регионе осуществимо лишь «при широкой помощи государства» [3, с. 252].

Сформулировав предложения относительно количественного аспекта модернизации, комиссия определила ряд качественных преобразований, таких как приведение школьных помещений в соответствие с требованиями гигиены, открытие высших (трехгодичных) сельских народных училищ с учебными программами по типу городских, материальная и организационная поддержка сельских библиотек-читален. Особое внимание уделялось проблемам, весьма актуальным и в настоящее время: во-первых, это низкая заработная плата учителей, из-за чего лучшие педагогические кадры оставляли школу, и, во-вторых, – преодоление в учебных программах «утилитарных целей, так как последние несовместимы с общими задачами народного образования». Помимо модернизации общего образования в уезде комиссия предложила меры по созданию учреждений специального образования, включающих в себя низшее сельскохозяйственное и ремесленные училища [3, с. 253].

С целью обеспечения имиджа народного образования предлагалось устранить пережиток феодальной школы – телесные наказания учеников, а также «предоставить населению право голоса в обсуждении вопросов, касающихся школьного дела, путем организации на месте школьных советов» [3, с. 253]. В последних предложениях – о создании сети специального образования и организации школьных советов – члены комиссии опередили свое время на несколько десятилетий: специальное образование и школьные советы появились в Важском крае лишь в эпоху Советской власти.

Что же касается эпохи феодально-капиталистической России, то можно сделать вывод о том, что Важский край в это время находился в крайне тяжелых социокультурных условиях, сложные проблемы которых не преодолевались вовсе, или были решены частично, в большинстве своем весьма неудовлетворительно, усугубляя и без того острые социальные противоречия. Несмотря на профессиональный и всесторонний анализ проблем сельского хозяйства (главной отрасли экономики) и народного образования (сердцевины культурной жизни) края компетентными членами статистических комиссий, местная администрация и, тем более, центральные властные органы по сути игнорировали содержание докладов и записок, не говоря уже о выработанных комиссиями дельных предложениях, заводя ситуацию в тупик. Такое положение вещей могло быть изменено лишь при помощи социального взрыва, который и последовал в 1917 г., положив конец эпохе феодально-капиталистической России. Важский край вступил в новую эпоху слабым в экономическом и культурном отношении, но достаточно крепким в демографическом аспекте.

Советскую эпоху или советский период в истории Важского края можно обозначить датами 1917–1991 гг. условно, т.к. в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. повсюду на территории России шла Гражданская война. Не избежал этой участи и Русский Север. Поскольку нашей задачей не является подробное

исследование социокультурной ретроспективы Поважья, мы обратимся к трем датам, принадлежащим к различным периодам изучаемой эпохи: 1926 г. – дата, относящаяся к начальному периоду советского строительства; 1976 г. – первый год 10-й пятилетки и 1987 г., принадлежащий к периоду «перестройки». Такая выборка предоставляет возможность сравнения фактов социокультурной эволюции края в периоды становления, расцвета и заката хозяйственно-культурной жизни Важского края в изучаемую эпоху.

Надо сказать, что численность населения Шенкурского уезда накануне Октябрьской революции (по данным на 1 января 1917 г.) составляла 101119 человек с небольшим преобладанием «женского элемента» [7, с. 508]. Однако Первая мировая и Гражданская войны, интервенция, миграции населения в послевоенные годы, а также изменение административных границ Шенкурского уезда, привели к уменьшению его количества; в 1926 г. здесь проживало 98976 человек [19, с. 6], в том числе 30,4 % – в сельской местности [19, с. 5]. Несмотря на потери, численность населения продолжала расти. Согласно данным «Статистического сборника по Архангельской губернии за 1926 год», средний прирост населения в губернии достиг 8,3 тыс. человек, что было в целом справедливо и для территории Важского края [19, с. 22]. Таким образом, Русский Север достаточно успешно восстанавливал демографические потери революционных и военных лет. Но что особенно важно, так это существенное уменьшение сельского населения в Шенкурском уезде, которое составляло 30,4 % от всего количества. Таким образом, в сельском хозяйстве края была занята приблизительно одна треть крестьянского населения по сравнению с феодально-капиталистической эпохой, когда сельским хозяйством занималось подавляющее большинство жителей Поважья.

В этой связи интересны статистические данные по сельскому хозяйству Шенкурского уезда в 1926 г., которые свидетельствуют о самом большом урожае зерновых в губернии (45 % валового сбора зерна) [19, с. 22]. В неизменившихся неблагоприятных для ведения сельского хозяйства природных условиях края, при резко снизившемся количестве крестьянского населения эта цифра может обозначать только одно: в лучшую сторону изменились социальные условия и, в первую очередь, Советская власть увеличила площади крестьянских наделов. Вместе с тем, неурожай 1926 г. привел к «значительному снижению обеспеченности населения зерном как валового (на 15,6 %), так в особенности чистого (на 22,2 %) урожая» [19, с. 22–23]. Таким образом, эволюция земледелия в Важском крае, с одной стороны, стимулировалась благоприятными социальными изменениями в жизни крестьянства, но с другой, – природные условия и демографический фактор создавали трудности для его развития.

В свою очередь, недобор сена в 1926 г. привел к нехватке кормов для скота в Шенкурском уезде, что привело, «несмотря на завоз некоторого количества концентрированных кормов, <...> к серьезному вырезу скота в зиму 1926–27 года» [19, с. 27]. «Статистический сборник» отмечает, что «острая нужда в сене» наблюдалась и зимой 1925–26 гг., когда покос был нормальным. Причиной послужило резко возросшее количество скота, что привело к «прямому несоответствию между потребностью в сене для прокормления стада и между валовым сбором сена» [19, с. 27]. По сравнению с 1917 г. обеспеченность крестьян скотом в 1926 г. выросла на 15,6 %. «Статистический сборник» выявляет тенденцию роста обеспеченности крестьян скотом [19, с. 28].

Вместе с тем, сопоставление статистических данных по животноводству говорит о том, что по сравнению с 1917 г. в 1926 г. возросло количество безлошадных хозяйств (1917 – 33,5 %, 1926 – 38,5 %) и, напротив, увеличилось количество хо-

зяйств, которые имели одну, две и три коровы. Особо отмечены «Липовки в Шенкурском уезде (с большой обеспеченностью навозным скотом)» [19, с. 29]. Однако примечателен и тот факт, что количество безлошадных и бескоровных хозяйств неуклонно сокращалось, начиная с 1921 г. [19, с. 30]. Таким образом, если в 1926 г. хозяйств, не имеющих лошадей, было больше, чем накануне Октябрьской революции, то все же после разорительного периода Гражданской войны и интервенции их количество из года в год стало сокращаться. Статистика отмечает следующие причины успехов в животноводстве: во-первых, это «достижения политики Советской власти по отношению к крестьянству, в особенности благодаря развитию мелиоративных и землеустроительных работ, введению многопольных оборотов <...> и прочих мероприятий» [19, с. 28]. Во-вторых, «накопление молодняка в крестьянских хозяйствах, <...> возможность приобретения и удержания скота (маломощными хозяйствами) благодаря поддержке со стороны <...> общества Сельскохозяйственного кредита» [19, с. 30]. Следовательно, именно социальные преобразования на селе в первое десятилетие Советской власти сыграли положительную роль в развитии сельского хозяйства в Архангельской губернии и, в частности, в Важском крае. При этом в этой отрасли наблюдалась явная тенденция к интенсификации животноводства: 81,2 % окультуренной земли предназначалась под сенокосные угодья и лишь 10,8 % – под пашню [19, с. 38].

Как отмечалось выше, земли по р. Ваге большей частью были заняты лесами и болотами – вот почему лесное хозяйство всегда занимало важное место в экономике края, равно как и в Архангельской губернии в целом. В этой связи приведем некоторые статистические данные. «Годовой прирост древесины (в целом по Архангельской губернии – В.Е., А.К.) исчисляется примерно в 18360 тыс. куб. метров, годовая же сметная лесосека предусматривается в <...> 5770,5 тыс. куб. метров древесной массы» [19, с. 37]. Из этого следует, что в 1926 г. прирост древесины в три раза превышал отпуск, т.е. вырубку леса. Следовательно, леса вырубались не хищнически, но с большим запасом на восстановление. Грамотная, планомерная эксплуатация лесных массивов позволяла осуществлять заготовку древесины в весьма значительных количествах (например, в Архангельском уезде – 2276,5 тыс. куб. м; в Шенкурском – 700,2 тыс. кв. м и т.д.) [19, с. 37], что было безопасно для восстановления лесных ресурсов региона.

Отпущенная древесина шла на нужды государственных учреждений, промышленных предприятий, местного населения, а также на экспорт. Примечательно, что отпуск леса с промышленной целью в 1925–26 гг. достиг уровня отпуска в 1913 г. [19, с. 37]. Однако, хотя местное население и снабжалось древесиной в полной мере, в ряде уездов наблюдались самовольные порубки (правда, количество их год от года уменьшалось). В частности, в Шенкурском уезде такие порубки имели наибольшее распространение [19, с. 38]. Таким образом, лесное хозяйство Важского края в то время находилось в полном порядке. Хищение древесины шло на убыль, а лесные угодья – подлинная сокровищница Поважья – эксплуатировались по-хозяйски рачительно: лес не вырубался варварскими методами, и запасов его вполне хватало на восстановление. В свою очередь, умелое ведение отпуска древесины позволяло увеличить его в дальнейшем до разумных пределов.

Что касается анализа других отраслей промышленности Важского края, то этот вопрос мы рассматривать здесь не будем, ограничившись лишь общими сведениями о том, что в Архангельской губернии «около 75 % крупной промышленности находилось в руках государства и лишь 25 % делят между собой кооперация, концессионеры и частные лица. При этом <...> во всех <...> концессионных предприятиях преобладающая роль принадлежит государству» [19, с. 68].

Доход от валовой продукции в 1925–26 гг. был выше дохода 1923–24 гг. на 21,7 % [19, с. 68].

Анализ хозяйственной жизни Важского края в 1926 г. показывает, что экономика Поважья развивалась динамично, социальные преобразования на селе и в городе улучшали жизнеобеспечение населения, что, в свою очередь, могло служить залогом успешной социокультурной эволюции. Неблагоприятные природные условия уже не столь довели над судьбой крестьянских хозяйств.

Значительно улучшилось положение в сфере образования: в Шенкурском уезде действовало 171 образовательное учреждение (134 школы I ступени, 2 школы II ступени, 3 школы крестьянской молодежи, 1 медико-педагогическое учреждение, 1 пункт ликвидации неграмотности и 30 групп индивидуального обучения), где работало 289 преподавателей и училось 9616 человек (каждый 10-й в крае), в том числе 5613 – мужского и 4011 – женского пола [19, с. 81]. По сравнению с дореволюционной эпохой количество учебных заведений увеличилось в 2 раза. Почти в три раза возросло общее количество учеников и, в частности, намного вырос контингент обучающихся женского пола: в медико-педагогическом учреждении женщины преобладали (27 из 50 учащихся), в группах индивидуального обучения женский состав также был преобладающим (142 из 197 обучающихся), а в пункте ликвидации неграмотности вообще учились только женщины – 8 человек [19, с. 81]. Характерной особенностью здесь было то, что за учебу взялись взрослые, и это вполне соответствовало курсу Советской власти на ликвидацию безграмотности населения. Образовательные учреждения стали более разнообразными, в их работе, в соответствии с заявленным государственным принципом отделения церкви от государства и школы от церкви, не участвовали религиозные конфессии. Появилось специализированное медико-педагогическое учреждение, готовившее кадры для работы в Поважье.

Среди культурных учреждений следует отметить 8 политшкол, 1 клуб, 1 детский сад, 1 детский городок, 1 учебные мастерские – ничего подобного невозможно было организовать в феодально-капиталистическую эпоху [19, с. 81]. В 67 библиотеках и 67 избах-читальнях было 5675 читателей, из которых 1357 составляли женщины [19, с. 81]. Можно уверенно утверждать, что в 1926 г. население Важского края стремительно овладевало знаниями, успешно повышая свой культурный уровень.

Таким образом, в середине первого десятилетия советского периода, спустя всего пять лет после окончания Гражданской войны и интервенции, в Важском крае складывались предпосылки для динамичного развития его социокультурной жизни. Этому способствовала эффективная политика Советской власти, направленная на поддержку среднего, бедного и беднейшего крестьянства (каковым и было подавляющее большинство крестьянского населения Поважья), городской бедноты, постепенное расширение и укрепление государственного сектора в промышленности.

Спустя 50 лет, в 1976 г. многие из этих начинаний дали положительные результаты. В этой связи интересны статистические данные из «Справки» 1976 г., содержащей краткую характеристику Шенкурского района, образованного в 1929 г. Площадь его составила 11,3 тыс. кв. км [18, с. 1], т.е. существенно уменьшилась по сравнению с дореволюционной. Это же справедливо и для населения, которое насчитывало всего 24,4 тыс. человек [18, с. 1] – почти в четыре раза меньше, чем в эпоху феодально-капиталистической России и в 1926 г. На селе проживало 17 тыс. человек [18, с. 1], т.е. подавляющее большинство населения. Естественно, что сельское хозяйство по-прежнему занимало одно из главных мест в экономике Поважья.

Все сельскохозяйственное производство реализовалось на базе 6 совхозов и 1 колхоза [18, с. 2], а в крае к тому времени давно уже не существовало ни одного частного крестьянского хозяйства. Причем подавляющее большинство занятых в сельском хозяйстве людей работало в совхозах, получая заработную плату, как и работники городских промышленных предприятий, т.е. они являлись сельскохозяйственными рабочими, материальный достаток которых исчислялся в денежном эквиваленте, а не зависел напрямую от ежедневных результатов их труда. Следовательно, крестьянами в прежнем смысле рабочие совхозов не были. Эти сельскохозяйственные организации владели посевной площадью 16224 га (всего сельхозугодий в районе насчитывалось 43683 га, в т.ч. пашня занимала 17,3 тыс. га) [18, с. 2]. На заболоченных участках земли проводились мелиоративные работы, которые высвобождали для нужд земледелия и животноводства ранее не используемую территорию. Что касается урожая зерновых, то данных об этом в «Справке» не имеется, однако отмечено, что в 1976 г. всеми категориями хозяйств продано государству 701,6 тонн картофеля, 75 тонн овощей и 150 тонн сена [18, с. 2]. Но хотя данных по земледелию в «Справке» явно недостаточно, все-таки можно сделать вывод о том, что в сельском хозяйстве района преобладало животноводство – отчеты о реализуемой продукции этой отрасли довольно подробны, равно как и данные о поголовье скота и птицы. Стадо крупного рогатого скота, например, исчислялось в 11822 головы, поголовье птицы насчитывало 16879 единиц, а вот лошадей имелось всего 447 – сказывался переход сельского хозяйства на машинную тягу [18, с. 2]. Сельскохозяйственные организации были хорошо оснащены техникой. В животноводческой отрасли развивались также свиноводство и кролиководство.

Насколько эффективной была эта отрасль сельского хозяйства? В этой связи следует отметить, что материал «Справки» изучать достаточно непросто, поскольку аналитической работы ее авторы не проделали, а статистические данные неполны. Но все же общую картину социокультурной жизни края в 1976 г. представить можно. В соответствии с приведенными цифрами можно сделать вывод о том, что коллективные хозяйства района работали не вполне рентабельно. Так, поставки молока были выполнены ими на 94 % к плану, а мяса – на 87 %. Зато план поставки яиц был перевыполнен на 28 % [18, с. 2]. Собственной продукцией общественного питания район обеспечивал себя только на 72 % [18, с. 3].

Отдельно следует сказать о мероприятиях государственной политики, разрушавших веками складывавшуюся инфраструктуру села. Здесь имеется в виду уничтожение так называемых «неперспективных» деревень. Вот что говорит об этом справка: «В состав района входят <...> 287 населенных пунктов. По схеме планировки определено 29 перспективных пунктов и 9 ограниченного развития. Неперспективные населенные пункты <...> намечаются к постепенному переселению в перспективные...» [18, с. 1]. Таким образом, было запланировано подлинное опустошение населенных пунктов сельской местности. Согласно такому плану, с географической карты Вязского края должны были исчезнуть 249 малых («неперспективных») деревень. Забегая вперед, следует сказать, что этот план был осуществлен. Таким образом, с ведома и по инициативе центральной власти, при послушной поддержке местных администраций был нанесен непоправимый урон сельской инфраструктуре края: ранее культурные земли постепенно дичали, местное население далеко не всегда оставалось жить в «перспективных» селах, а главное – сельские жители все более отчуждались от земли, утрачивали крестьянское чувство любви к ней. Вот почему выводы о состоянии сельского хозяйства в 1976 г. не могут быть однозначными: на фоне относитель-

ного благополучия наблюдаются явления, которые дадут впоследствии негативные результаты.

О лесозаготовках в «Справке» имеется весьма скудная косвенная информация: так, из цифры плана увеличения вывозки древесины на 6,6 % (до 1018 тысяч кубометров в год) [18, с. 4], можно получить показатель объема древесины, вывезенной в 1976 г., который составил около 952,8 тыс. кубометров; из определяемых задач лесозаготовительной промышленности («комплексное использование древесины и освобождение при этом боковых рек от молевого сплава, совершенствование технологии лесозаготовительных и лесопильных работ, более интенсивное восстановление лесов») [18, с. 4] следует вывод о том, что ряд аспектов лесозаготовительной промышленности нуждался в усовершенствовании.

В районе успешно работало 8 предприятий лесной, лесохимической, пищевой и легкой промышленности с объемом реализованной в 1976 г. продукции на сумму 14 млн 198 тыс. рублей [18, с. 1].

Образовательные потребности населения обслуживали 30 общеобразовательных школ (в том числе 4 средних, 12 восьмилетних, 1 школа-интернат, 12 начальных и 1 вспомогательная школа), где обучалось 3683 ученика. Кроме того, действовали 2 профессионально-технических училища, 1 школа рабочей молодежи и 31 детское учреждение [18, с. 2]. Таким образом, образовательные учреждения полностью обеспечивали потребности населения в начальном, восьмилетнем и среднем образовании, а также в низшем профессионально-техническом.

Культурно-просветительские учреждения включали в себя «32 массовых библиотеки с 271,8 тыс. книг, 38 сельских клубов, районный дом культуры, 62 киноустановки, музей и музыкальную школу» [18, с. 3]. Необходимо сказать, что другие отрасли социальной сферы (медицина, бытовые услуги, жилищное строительство, общепит и т.п.) интенсивно развивались.

В этой связи можно сделать вывод, что социокультурная жизнь Важского края в 1976 г. эволюционировала достаточно динамично, хотя здесь уже наблюдались негативные явления, которые могли трансформироваться в деструктивные тенденции. Таким образом, внешне благополучное бытие таило в себе потенции грядущего кризиса. И он разразился во время так называемой «перестройки».

Статистические данные из «Отчета о выполнении плана экономического и социального развития [Шенкурского – В.Е., Л.К.] района за 9 месяцев 1987 года» изобилуют отрицательными показателями. В этом высокоурожайном году «хозяйства района собрали 9760 тонн зерна при плане 8481 тонна, получили урожайность 17,2 ц/га против плана 13,5 ц» [8, с. 2]. Однако из-за плохой обеспеченности сушильного хозяйства были растянуты сроки уборки, которые повлекли за собой большие потери зерна.

«Из-за низкой организации труда в период заготовки кормов, невнимания к прогрессивным технологиям <...> план заготовки кормов <...> выполнен на 90 %, в т.ч. по сену на 80 %» [8, с. 2]. Совхозы и колхоз района провалили и планы по сдаче овощей.

Лучше обстояло дело в животноводстве: государству было продано сверх плана 1110 тонн молока и 193 тонны мяса [8, с. 2]. Но в то же время в сельском хозяйстве края имелись недостатки: запаздывало введение новых технологий, оставляла желать лучшего организация труда. В результате была загублена часть богатого урожая зерна, не выполнены планы сдачи государству картофеля и овощей, заготовки кормов.

Нет необходимости приводить здесь удручающий перечень отраслей экономики района, срывавших планы выпуска продукции, поставки товаров и услуг

населению, лесозаготовок, капитального строительства. Достаточно сказать одно: социально-хозяйственная система Шенкурского района в 1987 г. испытывала углубляющийся дисбаланс и по этой причине коллапсировала, т.е. попросту начала разваливаться.

Вместе с тем, губительные «реформы» еще не разрушили системы образования и культуры: в школах района обучалось 3077 человек, 124 ребенка 5-летнего возраста ходили в подготовительные классы, 1359 детей воспитывались в детских дошкольных учреждениях [8, с. 5]. В районе работало 29 библиотек, 35 сельских клубов и 1 дом культуры, 1 музыкальная школа, 50 киноустановок, обеспечивающих культурные потребности населения края [8, с. 4–5].

Подводя итог исследованию некоторых отраслей культурно-хозяйственной жизни Поважья в советское время, следует отметить, что специфика этого уникального периода в истории Важского края заключается в том, что он являет собой эпоху социума, прошедшего все стадии социокультурной эволюции: зарождение в 20-е годы XX в., когда сложились предпосылки тех значительных хозяйственно-культурных преобразований, которые мы наблюдаем на протяжении всей советской истории и, в частности, в 60-х – начале 80-х гг. – в период зрелости советского общества, – а затем, в середине 80-х гг. XX в., переход на стадию упадка, который, в свою очередь, привел к гибели социалистического советского строя в начале 90-х гг. В советскую эпоху хозяйственно-культурная жизнь Важского края пережила расцвет, ее социокультурные достижения несравнимы с реалиями экономики и культуры предыдущей эпохи. Вместе с тем, в хозяйственно-культурной жизни края уже в середине 70-х гг. XX в. наблюдаются явления, которые способствовали возникновению кризиса периода «перестройки». В новую эпоху постсоветского либерально-олигархического капитализма Важский край вступил ослабленным в экономическом и демографическом аспектах, но культурная жизнь, особенно система образования, еще сохранялась усилиями работавших в этой сфере.

Что же представляет собой культурно-хозяйственная жизнь Важского края на современном этапе его истории? По сообщению информационного агентства «Русский Север», население Шенкурского района в 1989 г. составляло 18680 человек. В настоящее время оно уменьшилось на 4002 человека или на 17,6 % и составляет 14678 жителей [из них 5910 человек проживает в самом Шенкурске, следовательно, сельское население района насчитывает 8768 человек – В.Е., Л.К.] «По количеству населения район занимает 15 место среди 20 сельских районов Архангельской области». Среди главных причин снижения численности населения работники районной администрации называют естественную (2,2 тыс.) и миграционную убыль (1,1 тыс.) [10]. Данные на 1.01.2008 г. более «обнадеживают»: в то время население района составляло 17,3 тыс. человек, т.е. несколько увеличилось [11]. Однако демографическая ситуация все равно остается тревожной: «уровень смертности сельчан в Архангельской области в 1,3 раза выше, чем горожан», а «показатель смертности населения в *трудоспособном возрасте* [курсив наш – В.Е., Л.К.] ... в 2004 году достиг максимального значения (1082,4)» [22]. В Шенкурском районе особенно интенсивно вымирают женщины, традиционно считающиеся более жизнестойкими, чем мужчины [22].

Убыль населения в районе наблюдалась еще в советскую эпоху: за 13 лет (с 1976 по 1989 гг.) она составила 5,7 тыс. человек, т.е. ежегодно район терял в то время в среднем по 438,5 жителей. Либеральные «реформы» ускорили этот процесс и довели его до уровня гиперсмертности.

В этой связи можно предположить, что вымирающее население края неудовлетворительно решает хозяйственные вопросы. Для подтверждения обратимся

к статистическим данным по сельскому хозяйству, опубликованным в одном из номеров шенкурской районной газеты «Важский край» за 1995 г., где, в частности, говорится: «В 1994 году к уровню предшествующего года меньше получено всех видов растениеводства» [23, с. 2]. Так, производство зерна составило 3547 т (83 % к уровню 1993 г.); картофеля – 349 т (52 %), овощей – 30 т (36 %). Урожайность составляла в среднем 9,1 ц/га (однако 44 % сельскохозяйственных предприятий имели до 5 ц/га) [23, с. 2]. Отмечается сокращение доз внесения минеральных и органических удобрений, посевных площадей, дефицит горюче-смазочных материалов и техники [23, с. 2]. Если сравнить общий объем собранного в районе урожая в 1976 и 1994 гг., то он уменьшился без малого в три раза. В 1995 г. тенденция понижения урожайности сохранялась: общее количество собранного зерна было равно 2704 т (74 % к урожаю 1994 г.) [4, с. 6].

Аналогичная картина наблюдалась в животноводстве. В этой связи газета «Важский край» отмечает: «В хозяйствах района в 1994 году по сравнению с предыдущим годом уменьшилась реализация скота и птицы на убой, производство молока, яиц» [23, с. 2]. Так, реализация на убой скота и птицы составила к уровню 1993 г. 82 %, валовой надой молока – 60 %, производство яиц – 98 % [23, с. 2]. Плачевное состояние животноводства объясняется «главным образом сокращением поголовья скота и птицы» (поголовье крупного рогатого скота по отношению к 1993 г. было равно 75 %, свиней – 76 %, лошадей – 75 % и птицы – 76%) [4, с. 7]. В 1995 г. тенденция уменьшения поголовья скота продолжалась. «За 1995 г. в сельхозпредприятиях сократилось поступление приплода крупного рогатого скота на 25 %, свиней на 14 %, потери крупного рогатого скота от падежа и гибели снизились вдвое» [4, с. 7]. Однако, наряду с последним, казалось бы, обнадеживающим фактом, отмечается «сокращение численности основных видов скота в хозяйствах всех категорий кроме хозяйств населения и фермерских хозяйств» [4, с. 7]. И действительно, в хозяйствах населения в 1995 г. к уровню 1994 г. сохранилось 100% голов крупного рогатого скота, а в фермерских хозяйствах его поголовье даже прибыло на 9 %, количество свиней увеличилось с 45 до 90 голов [4, с. 7]. Таким образом, фермерские хозяйства в Шенкурском районе в середине «лихих 90-х» оказались наиболее крепкими.

Вместе с тем, этот отдельный успех, конечно, не мог улучшить ситуацию. В этой связи один из материалов газеты «Важский край» за 2009 г. с горечью констатирует: «А пока факт остается фактом: село помаленьку умирает, продуктивные когда-то земли зарастают лесом, население деревни сокращается, стареет» [6, с. 3].

В лесопользовании Важского края также существуют весьма серьезные проблемы. Одной из них, характерной для 90-х гг., было сокращение объема отпуска древесины, а также выпуска продукции деревообрабатывающей промышленности. Так, «объем вывозки древесины в 1994 году сократился на 140 тыс. куб. м, или на 50 % против соответствующего периода прошлого года» [12, с. 5]. Правда, пиломатериалов было произведено на 13 % больше, но в то же время более, чем в 4 раза сократилось производство мебели, а общий объем продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности в 1994 г. составил всего 69,2 % к уровню 1993 г. [12, с. 5]

В настоящее время ситуация в сфере лесозаготовок и лесопромышленности неоднозначна: тенденция 90-х гг. к сокращению объемов производства сохраняется («объемы производства на крупных и средних предприятиях района сократились на 42 процента» [12, с. 5], однако увеличился объем вывоза древесины (в 2004 г. к объему 2003 г. он достиг 109 %) [2]. Последнее объ-

ясняется тем, что отечественный лес-кругляк (сырье для деревообрабатывающей промышленности) составляет немаловажную часть экспорта Российской Федерации и пользуется большим спросом за рубежом.

Вместе с тем, в сфере отпуска древесины местному населению сложилась неблагоприятная ситуация. По сведениям глав МО-поселений, «участки леса, предназначенные для отпуска древесины местным жителям, практически пусты» [17, с. 3]. Потребности жителей в лесоматериалах удовлетворяются по остаточному принципу, а лучшие участки арендованы предприятиями, которые ведут хищническую вырубку без соблюдения санитарных норм и не заботятся о восстановлении леса. Более того, местное население замусоривает лучшие, издавна считающиеся самыми красивыми, места, а с санкции поселковых администраций на лесных участках устраиваются свалки бытовых отходов.

В то же время посевные площади, покосы и пастбища зарастают лесом или кустарником. Об этом эзоповым языком, противоречиво, свидетельствует справка из Интернета: «...По состоянию на 1.01.03 г. общая площадь по лесхозам <...>, не покрытая лесом, сократилась на 2,3 тыс. га. Несомкнувшиеся лесные участки сократились на 9,4 га» [2]. Иными словами, когда-то используемая с определенной целью (скорее всего, для потребностей сельского хозяйства) площадь в Шенкурском районе в настоящее время начала зарастать лесом. В целом она составляет 11,7 тыс. га. Справедливости ради следует отметить, что, «фонд лесовосстановления увеличился на 7,1 тыс. га», тогда как общий размер действующей лесосеки в настоящее время достиг 19668,3 тыс. кубометров [2]. Таким образом, с одной стороны, тысячи гектаров брошенной культурной земли в Поважье зарастают лесом, а с другой, – вековые леса, подлинное «зеленое золото» края, хищнически вырубаются. Такое «лесопользование» не оставляет ничего не только потомкам, но и современникам.

Что касается подробностей функционирования других отраслей экономики Шенкурского района, то мы отметим следующее: им так и не удалось преодолеть упадок, а с наступлением кризиса положение промышленных предприятий стало еще более сложным.

Экономическая разруха, как правило, не способствует оздоровлению социальной жизни, убивает культуру, порождая ее уродливые квазикультурные формы. Негативно влияет она и на ситуацию в образовании.

Однако, согласно информации на сайте Шенкурского района в Интернете, «кадровую обстановку [в школах] можно назвать благополучной. К началу очередного учебного года удалось сохранить всю сеть образовательных учреждений, а значит избежать сокращения кадров». Вместе с тем, в школах, безусловно, существуют значительные проблемы. Одна из них – это *сокращение количества учащихся*. В этой связи приводится в пример самая крошечная школа в в Уксоре, где учатся только два ученика. Из школ района «выбывает по неизвестным причинам много учащихся в возрасте до 15 лет (0,64 % от общего количества учащихся, в то время как областной показатель 0,33%)» [15]. Следующая проблема – это *уровень заработной платы*, который в Шенкурском районе *самый низкий* по Архангельской области (в том числе и зарплата работников школы) [15].

Кроме известных проблем, связанных с *материальной базой и финансированием образования*, существует и *проблема молодежной политики*. В 2009 г. она освещалась на страницах районной прессы в материалах о форуме молодежи Архангельской области «Команда-29». В нескольких номерах «Важского края» подробно рассказано, например, о цвете галстуков команд-участников форума, о банальных девизах отрядов и их ничего не значащих наименованиях, об игре делегатов в

футбол с закрытыми глазами и в теннис – с дуршлагами, – словом, о чем угодно, только не о самом существенном: о выработке молодежной политики [13, с. 7]. Разговор о молодежном движении закончился весьма незначительным результатом: предложением делегатов-шенкурян провести следующий форум в Шенкурском районе, но поскольку у администрации не нашлось для этого денег, то решили ограничиться лишь проведением традиционного мероприятия «КортDance». Правда кто-то выдвинул более конструктивную идею: создать молодежную организацию районного масштаба «для организации молодежного движения в районе» [13, с. 7]. Вот, собственно, и все. Трудно сказать, чего больше проявилось в решениях этого форума: беспомощности его организаторов и руководителей или скрытого нежелания действительно решать молодежные проблемы. Во всяком случае, «тусовочный» форум их решить не мог и даже не обозначил: по крайней мере, в содержании статей этого нет. Таковы некоторые реалии образования в Важском крае.

Из культурно-просветительских учреждений на территории Шенкурского района действуют 33 библиотеки, которые «обслуживают около 12 тыс. посетителей в год, выдают свыше 300 тыс. экземпляров литературы. Их общий фонд составляет 274 тыс. экземпляров» [14, с. 6]. Следует заметить, что в сравнении со статистикой 1976 г. количество библиотек и книг в них несколько увеличилось.

Таким образом, эпоха либерально-олигархического капитализма для Важского края стала временем социально-экономического упадка, опустошения и порчи природных ресурсов, духовной и физической деградации и вымирания населения. Сохранение структуры школьного образования и библиотек скорее является исключением из правил, нежели характерной чертой эпохи. С наступлением кризиса разруха может принять необратимый характер.

Каким же представляется выход из создавшегося положения? Один из вариантов предлагается Программой демократического движения «Важский край», XX районная конференция которого прошла в г. Вельске – центре соседнего с Шенкурским района, также находящегося на территории Поважья. Это сепаратистское движение ратует за создание самостоятельного субъекта Российской Федерации «Важский край» путем отторжения от Архангельской и Вологодской областей районов по р. Ваге. В Программе говорится об «уникальной этнической группе – вагань», которая, будучи административно разделенной в XX веке, «почти полностью утратила свою этническую идентичность» [1, с. 7]. По мнению авторов Программы, спасти ваганов от полного исчезновения, а край – от гуманитарной катастрофы может лишь сепаратизм.

Абсурдность такой позиции, равно как и ее «этнического» обоснования, в комментариях не нуждается, и местечковый важский сепаратизм можно было бы считать не более чем политикообразной возней провинциальных дилетантов, когда бы в известных кругах интеллигенции Архангельской области не муссировались сепаратистские настроения в пользу создания некоего Поморья на территории от Архангельска до Пермского края. Подспудно тлеющие покуда вождения к переделу территории России могут породить большую беду, коль скоро для этого созреют предпосылки.

Однако, если серьезно говорить о преодолении сложившейся в Поважье негативной социально-экономической ситуации, то прежде всего необходимо обратить внимание на то, что она порождена условиями либерально-олигархического капитализма. Формат трех эпох для Важского края явил собою единый социокультурный процесс. В эпоху феодально-капиталистической России край находился в состоянии гомеостаза, когда его производительные силы приспособ-

ливались к условиям природной среды. Вторая (акматическая) фаза этого процесса, порожденная Октябрьской революцией 1917 г., разбудила край и привела его социокультурную жизнь к расцвету в 60-х – первой половине 80-х гг. XX в. Причем советский строй и социалистический способ производства, выступили детерминантами развития. Третья фаза процесса совпала с эпохой постсоветского либерально-олигархического капитализма и обусловила вступление Важского края на путь инволюции. В этом и заключается специфика современной эпохи. Деструктивные изменения в культурно-хозяйственной жизни Поважья (развал промышленности и упадок сельского хозяйства, хищническая эксплуатация и вывоз за рубеж природных ресурсов, расстройство финансовой системы, гиперсмертность населения, господство западной идеологии и деморализация населения, манипуляция сознанием масс, засилье западных клише в культуре и т.д. аналогичны результатам социальных изменений, наступающих после поражения какой-либо страны в войне. Вопрос состоит в следующем: окончательный это разгром, или социум (в т.ч. и Важский край) еще сможет возродиться?

Для положительного ответа на него следует обратиться к одному из новейших социокультурных учений – доктрине ноосферизма, автором которой является профессор А.И. Субетто. Ноосферная парадигма развития социума рассматривает движение общества и природы как «управляемую социоприродную эволюцию на базе общественного интеллекта и образовательного общества» [21, с. 225]. Согласно ноосферной парадигме, единственный выход человеческого социума из тупика глобальной экологической катастрофы, вызванной господством капиталократии, – это сознательный исторический выбор человека в форме ноосферного социалистического общества, т.е. устойчивой коэволюции «на базе космоноосферной духовности, синтеза Истины, Добра и Красоты, Должного и Сущего» [21, с. 228]. Все это в полной мере можно отнести к исторической судьбе Важского края.

Список литературы

1. Григорьев Г. Есть мнение // Важский край. Шенкурская районная газета. – 2009, 22 мая.
2. Доклад «Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области в 2003 году» / Главное Управление природных ресурсов и охраны окружающей среды МПР России по Архангельской области, комитет по экологии администрации Архангельской области, 2004. – <http://www.arkheco.ru/resource/forest/?314>
3. Доклад комиссии, выделенной из состава Шенкурского комитета, о нуждах сельскохозяйственной промышленности для рассмотрения вопроса о народном образовании в Шенкурском уезде // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. I. Архангельская губерния. – СПб.: Тип. тов-ва «Народная польза», 1903. – С. 250–253.
4. Доклад Шенкурского управления госстатистики Архангельскому областному комитету государственной статистики. – Шенкурск, 1996. – 14 с.
5. Едемский П.И. Записка об экономическом положении крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. I. Архангельская губерния. – СПб.: Тип. тов-ва «Народная польза», 1903. – С. 212–217.
6. Лысков Н. Деревня – боль людская // Важский край. Шенкурская районная газета. – 2009, 11 июня.
7. Овсянкин Е.И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. – Архангельск: ЗАО «Архконсалт», 2007. – 560 с.
8. Отчет о выполнении плана экономического и социального развития района за 9 месяцев 1987 года. – Шенкурск, 1987. – 5 с.
9. Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год. – Архангельск: Губ. Типография, 1912. – 302 с.

10. Перепись: Население Шенкурского района уменьшилось. – http://myarh.ru/news/misc/2004/09/20/4414/Perepis_Naselenie_SHenkurskogo_rajjona_umenshilos/
11. Правительство Архангельской области: Шенкурский район. – <http://www.arkhadm.gov.ru/region/mo/shenkursk.html>
12. Район в первом полугодии 2004 года // Важский край. Шенкурская районная газета. – 2004, 20 августа.
13. Романовский Н. «Разбор полетов» и важные планы // Важский край. Шенкурская районная газета. – 2009, 24 июля.
14. Романовский Н. Библиотечный калейдоскоп // Важский край. Шенкурская районная газета. – 2005, 10 июня.
15. Романовский Н. Текущие вопросы образования // Важский край. 10 сентября 2004 (№ 37). – <http://www.arhpress.ru/vaga/2004/9/10/3.shtml>
16. Романовский Н. Форум в пяти ракурсах // Важский край. Шенкурская районная газета. – 2009, 31 июля.
17. Соболева С. Страсти по лесу // Важский край. Шенкурская районная газета. – 2009, 22 мая.
18. Справка: Краткая характеристика Шенкурского района. – Шенкурск, 1976. – 6 с.
19. Статистический сборник по Архангельской губернии за 1926 год. – Архангельск: Изд. Архгубстатотдела, 1927. – 278 с.
20. Статистическое описание Шенкурского уезда // Архангельский сборник. Ч. 1 Кн. 1. – Архангельск: Губ. типография, 1883. – 524 с.
21. Субетто А.И. Свобода. Критика либерального разума. – СПб. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 232 с.
22. Уровень смертности сельчан в 1,3 раза выше, чем горожан. 21.11.2008 //Издательский дом «Губерния». – http://www.gubernia.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391
23. Экономика района все еще на распутье. Итоги социально-экономического положения в 1994 году // Важский край. Шенкурская районная газета. – 1995, 3 февраля.